

Но в СКЯ ИЦ 缥 *piao* не отличается широкой сочетаемостью, в основном передаёт цвет шёлка или фарфора.

К синонимичному ряду 青 *qing* можно отнести и лексему 葱 *cong*, первоначально обозначавшую лук. В результате семантического расширения данная лексема стала употребляться в качественном значении для описания цвета сравнительно поздно, ее фиксацию именно как ИЦ мы находим только в словаре «Цыхай».

В СКЯ ИЦ 葱 *cong* не употребляется самостоятельно, выражает оттенки цвета только в сочетаниях с другими ИЦ, передавая при этом зеленоватый оттенок. В значении «синий» это ИЦ встречается только в сочетании 葱白 *cong bai* «голубоватый». Очевидно, здесь имеется в виду оттенок очищенной луковицы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

В китайском языке, как и в некоторых других языках, наблюдается явление диффузности (многозначности) цветонаименований, а именно ИЦ группы 青 *qing*. При этом единство этого термина в синем и зелёном участках спектра не является чем-то особенным и присущим исключительно китайскому языку. Согласно проведенному анали-

зу языковых данных, мы считаем, что первоначально 青 *qing* передавал значение «зелёный». Значение «чёрный» у этой лексемы заведомо заложено в языке, а не является искусственно навязанным. В СКЯ 青 *qing* является одним из базовых ИЦ, обладает широкой сочетаемостью в соответствии с чётко очерченными занимаемыми им участками спектра.

ИЦ 苍 *cang* является синонимом 青 *qing* только по значению «зеленый» и «синий», но не по значению «черный, темный». Напротив, дойдя до участка серого цвета, он тяготеет к белому участку, в результате чего образовались антонимы 青丝 *qing si* («чёрные волосы») и 苍发 *cang fa* («седые волосы»). В отличие от 青 *qing*, значение «серый, серовато-белый» у 苍 *cang* не было заведомо заложено в языке, а явилось результатом использования танскими поэтами такого стилистического приёма, как перенос.

Наряду с 苍 *cang* синонимичными ИЦ 青 *qing* в сине-зелёном участке спектра являются 碧 *bi*, 缥 *piao* и 葱 *cong*, которые имеют очень ограниченный набор контекстуальных сем.

А.В. Гатыпова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

К истории бурятско-тюркских языковых связей

Данная статья посвящена проблеме влияния тюркских языковых связей на формирование монгольских языков, в частности бурятского языка. При решении данной проблемы рассмотрение истории бурятского и тюркских языков является неотъемлемой частью, как впрочем, и для любого языка, поскольку, как известно, история языка неразрывно связана с историей народа. Цель данной статьи – рассмотреть в основных чертах историю бурятско-тюркских языковых связей и тем самым определить объём и глубину влияния тюркских языков в формировании лексического состава бурятского языка.

А.В. Гатыпова

To the history of Buriat-Turkic Linguistic ancient relations

The present article is devoted to the problem of the influence of Turkic linguistic ancient relations on the formation of Mongolian languages namely on the formation of the Buriat language. The article contains in the main the history of the ancient Buriat and Turkic tribes. At the time when the Buriats still lived in the vicinity of Turkic tribes and had contacts with them a large number of words were borrowed from Turkic languages into the Buriat languages. The purpose of the article is to examine the history of Buriat-Turkic linguistic relations in details and so to determine the volume and depth of Turkic influences on the formation of the Buriat language.

Как известно, история языка неразрывно связана с историей народа, носителя этого языка. В языке, особенно в лексике, самой подвижной его части, находит своё отражение весь путь исторического развития народа, его материальной и духовной культуры, взаимоотношений с другими народами. Бурятский этнос, согласно современным представлениям, складывался из различных этнических групп, которые консолидировались вокруг его основного монгольского ядра. В процессе формирования этого, во многом нового, этнического организма – бурятского народа – монгольские кочевники смешивались с тунгусскими и тюркскими родами, воспринимая и усваивая какие-то элементы из их языковой, материальной, религиозной, художественной культуры.

История бурятско-тюркских языковых связей уходит своими корнями в далёкое прошлое. Тюркское влияние на монгольские языки, в том числе и бурятские, наблюдается уже с древнейших времён, со времен хуннов. Держава хунну, возникшая на территории Центральной Азии в конце III в. н.э., представляла собой мощный союз тюркских, монгольских и иных кочевых племен. Ее влияние распространилось в течение нескольких столетий на огромных пространствах от Енисея до Маньчжурии и от Хуанхэ до Байкала. Все те народы, которые находились под властью хуннов, испытывали с ее стороны сильное влияние, что приводило к взаимопроникновению тюркских и монгольских языковых элементов. Не стал исключением и протобурятский язык. Согласно данным исторической науки последних лет, протобуряты с древнейших времён жили на северо-восточной и северной окраине расселения монгольских племён, между Прибайкалем и Приамурьем, подвластной хуннам территории. На этой территории имели место первоначальные контакты протобурят с тюркоязычными и тунгусо-маньчжурскими племенами [Таскин, 1980, с. 55-57; Кычанов, 1980, с. 139-140].

В конце I в. н.э. хуннский разноплеменный союз под влиянием междоусобной борьбы и нападения сяньбийцев распался на две части – западные и восточные хунну. Западные хунну, продвинувшись на запад и покорив встретившиеся на их пути тюркоязычные и иные племена, в IV в. достигли Западной Европы и позже вошли в состав племенных союзов булгар и хазаров. Восточные хунну с течением времени были завоеваны когда-то

подвластными им монголоязычными племенами сяньби. В результате сяньбийцам удалось объединить под своей властью всю Центральную Азию, частично Алтай, а также Забайкалье и верховья Амура.

Однако в конце IV в. н.э. сяньбийское объединение распалось. На смену сяньбийцам пришли жужане, или, как иначе именуют их в истории, шивей. Судя по древнетюркским надписям, их называли ещё татарами, или татаби, сокращенно тат. В лингвистической науке принято считать, что эти народы говорили на диалектах монгольского языка и были близки по быту и культуре тюркам. В то время как господство в пустынях и горных цепях принадлежало каганату жужан, постепенно стали усиливаться тюркские племена. Начиная с середины VI в., они начали распространять свое политическое влияние и кочевья на Южную Сибирь и Центральную Азию, чем интенсивно способствовали большому этническому и языковому смешению тюрко-монгольских народов, живших тогда смежно на просторах Центральной Азии. С усилением тюркского каганата тюрки становятся ведущим этносом в Центральной Азии и Монгольском Алтае. Предводитель тюрков Тумэн (видимо имя восходит к числительному тумэн – 10 тысяч), получив отказ на предложение породниться с жужанским каганом, разгромил жужаней и объявил каганом их территории. Таким образом, вновь на этой территории зарождается другое сильное феодальное государство – государство тюрков с центром на р. Орхон. «В эпоху наибольшего могущества орхонских тюрков в состав их владений входили: Северная Монголия (включая бассейн рек Орхон, Тола и Селенга), Западное Забайкалье, верховья Енисея» [Окладников, 1951, с. 56]. Очевидно, в этот период в древнемонгольские диалекты, в том числе в протобурятские, вошли тюркизмы *уэ*, *ураг*, *эльгэн* (парн. *ураг эльгэн*) и другие, так как «экономической единицей общества орхонских тюрков была большая патриархальная семья... Семьи входили в состав рода (*ук* или *уруэ*), несколько родов составляли племя – *будун*, а племена объединялись союзом племён – *эль'ем*... Во главе *эл* я стоял *каган* или *хат*» [Окладников, 1951, с. 56]. Названные выше слова бытуют в монгольских языках в основном в тех же фонетических оформлениях и значениях, что и в тюркских языках. Ср. бурят., халх. *уэ* – происхождение, предки и др.-тюрк. *ук* (в составе парн. *укым-тукым* – потомки, родственники);

алт., тув. *ук* – род [Севортян, 1974, с. 582]. Или бурят., халх., калм. *ураг*, мнгр. *уруг*, мук. *урук*, ст.-монг. *уруг* – родственник, родство < др.-тюрк. *уруг* – род, потомство. Данное слово в различных фонетических вариантах бытует во всех основных тюркских языках в значениях «род, племя, родственник (туркм., азерб., крг., каз., ног., к.-калп., тат, башк., узб., уйг и др.)». Древнетюркское слово *бодун*, означавшее «население, подданные, народ» [Наделяев, 1969, с.108], сравнимо, по-видимому, с названием одного из 11 хори-бурятских родов *бодонгууд* ~ *бодунгууд* (от тюрк. основы *бодун* – население или подданные + общемонг. аффикс множественности –гууд). В основе бурят. *элгэн* (в парн. *ураг элгэн*) и халх. *элгэн* (в парн. *элгэн садан*) – родственник, очевидно, лежит др.-тюрк. *эл* – племенной союз, племенная организация. [Наделяев 1969, с. 168]. Сравните также др.-тюрк. *элиг* – правитель, государь [Наделяев, 1969, с. 170]. Тюркское *эл* (*ил*, *иш*) бытует в современных тюркских языках в различных значениях: народ, население, племенной союз, государство, господство и т.д. [Севортян, 1974, с. 339-341]. И, наконец, бур., халх., мнгр. *хаан*, калм. *хан*, ст.-монг. *каган* – царь восходит к древнетюрк. *каган* – главный хан, верховный правитель [Севортян, 1974, с. 405], *хан* – правитель, повелитель, предводитель [Севортян 1974, с. 417].

Первые протобурятские племена бурет (позднейшее булагат) и хоро (позднейшее хори) стали обособляться от древних монголов еще в тюркский период их истории, то есть в V-XII вв., о чем свидетельствуют топонимы тех времен, дошедшие до нас в виде родовых и племенных этнонимов, эпонимов. Группа эхиритских родов, состоявших в прошлом из тюрков и частично протобурят, была обуячена булагатами [Цыдендамбаев, 1972, с. 643]. В VI-X вв. н.э на территории Предбайкалья обитали курыканы, тюркоязычный народ, их соседями в районе Баргузина жили батырку (баргуты). Со своей стороны, Б.Б.Барадийн полагает, что булагаты и хоринцы в древности объединялись общим племенным термином баргу, а слово булагат есть лишь вариант слова баргут [Барадийн, 1927, с. 10]. В X-XIII вв. около Байкала в эпоху возвышения в Центральной Азии киданей и собственно монголов появляются новые сообщества монголоязычных переселенцев, которые, смешавшись с остатками тюркоязычных племен (в частности ку-

рыканами), дают начало бурятским племенам.

Результаты проведенного нами исторического анализа бурятского языка показывают, что буряты претерпели довольно сильное влияние со стороны тюрков. На древний характер этих отношений указывает наличие слов, попавших в бурятский язык из древнетюркского и из языка типа булгарского. Видимо, контакты у предков бурят с предками булгар происходили еще в те времена, когда предки булгар не откочевали на запад. Как уже было сказано выше, бурятский язык представляет собой сложный этнический состав, сочетание в бурятском народе элементов монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских и др. О вхождении тюркского компонента в этнический состав бурят ученые отметили уже давно [Токарев, 1953, с. 37-52]. Есть предположение, что и сам этноним *бурят* тюркского происхождения и представляет собой перевод на тюркский язык древнего этнонима *чинос* «волки», которым называла себя часть протобурят еще в середине I тысячелетия н.э. С другой стороны, возможно, что древние тюрки, подчинившие себе предков бурят и находившиеся с ними в тесных взаимоотношениях, могли окрестить бывших чиносцев этнонимом, образованном на основе названия волка. Во всяком случае, встречаются любопытные факты, свидетельствующие о том, что тюрки имели обыкновение называть инородные им племена путем перевода их самоназваний на тюркский язык [Цыдендамбаев, 1972, с. 278-279]. В бурятских говорах, главным образом в западных, сохраняется значительное количество слов, имеющих тюркское происхождение. Часть этих слов бытует, кроме бурятских говоров, и в некоторых других монгольских языках, например, *балшаг*, *зумара*, *салма*, *тура*, *урмэг*, *хиима*, *хуб*, *эзмэг*. При этом отдельные бурятские слова стоят ближе к тюркскому оригиналу либо в отношении семантики (*тура*, *хиима*), либо звукового оформления (*зумара*, *хиима*), что может свидетельствовать о непосредственном, независимом от других монгольских языков заимствовании этих слов предками бурят у тюрков [Рассадин, 1977, с. 127-142]. Так, тюркский компонент у западных бурят относят к курыканам VII-X вв., предполагаемым предкам якутов. Связь между курыканами и некоторыми бурят-монгольскими племенами прослеживается и в племенных названиях. Например, название одного из основных бурятских племен – хори

совпадает с наименованием курыкан, которые у восточных летописцев XII в. известны под именем кури, или фури [Magzavi, 1942, p. 86-88].

О тесных связях между тюрками-курыканами, с одной стороны, и предками бурят-монголов – с другой, не менее выразительно свидетельствуют и языковые данные: словарный запас бурятского языка содержит большое количество тюркских слов, очевидно унаследованных бурятами от тюрков-курыкан. При этом характерно, что общие у бурят-монголов с тюрками термины относятся, главным образом, к области земледельческого хозяйства и интенсивного скотоводческого хозяйства. Это дает право сделать вывод, что старинное бурятское земледелие и относительно развитое скотоводство были унаследованы бурятами от курыкан [Окладников, 1951, с. 80-81].

О существовании таких контактов свидетельствуют также многочисленные тюркские заимствования в монгольских языках, в том числе и бурятском, характеризующиеся ротацизмом и ламбдаизмом. Это можно видеть, например, на материале бурятских тюркизмов [Рассадин, 1969; 1987, с. 173-178; 1996, с. 132-150], таких, как зап.-бурят. *наб*, вост.-бурят. *набагша* – сухожильная нить для шитья < тюрк. *sap, sabaq* – нить, стебель; бурят. *бугааг* – браслет < др.-тюрк. *biqay* id. В каждом из бурятских диалектов и говоров бытуют сугубо свои специфические тюркоязычные заимствования, как, например, зап.-бур. *шихан* – чирей < тюрк., ср. каз. *шыйкан*, уйг. *Чийкан*, кирг. *Чыпкан* id; *саажжа-шаажжа* – женская коса < тюрк. *сач-чач* – волосы на голове человека; *баран* – весь, всё, все < др.-тюрк. *barin* id; вост.-бурят. *тууюн* – плотный комок снега, грязи, налипающий под копытом лошади < др.-тюрк. *тууи* – копыто; *бухэ* – приедаться < др.-тюрк. *bök* – переедать, пресыщаться, наедаться; быть довольным [Рассадин, 1996, с. 146-149].

Связи предков бурят с тюрками продолжались, видимо, постоянно на протяжении длительного времени. Некоторые тюркские племена и роды, обурятавшись, входили в состав бурятского народа, что произошло, по всей вероятности, с окинскими бурятами-оленоводами. Примерами тюркизмов в окинском говоре могут послужить такие слова, как *даспан* – самка домашнего оленя до двух лет < тув., тоф. *даспан* – двухгодовалый северный олень; *согоног* – палочка-шток у намордника

оленя < тоф. *сал* – класть, положить; *этээр* – бык-производитель домашнего северного оленя < тоф. *этээр* чары [Рассадин, 1988, с. 70-72; 1999, с. 141-142].

Таким образом, подводя итог к вышесказанному, можно сказать, что древние связи тюркских племен с бурятскими имели место, доказательством чего служит большой пласт тюркизмов в диалектах и говорах бурятского языка. Буряты и сейчас живут в непосредственном соседстве с тюркоязычными народами – якутами, тувинцами, тофаларами. В лексике литературного бурятского языка, так же как и местных диалектов и говоров, получили отражение все разновременные и разнотипные связи и взаимоотношения бурят с тюрками. Дальнейшее углубление и всестороннее изучение вопросов, связанных с взаимодействием бурятского языка с тюркскими, и выявление тюркских элементов, как в лексике бурятского языка, так и в фонетике и грамматике, позволит выяснить, насколько сильным оказалось влияние тюркских языков на бурятский по сравнению с другими монгольскими языками. А это в свою очередь позволит определить, шло ли это влияние путем заимствований, сказалось ли здесь влияние тюркского субстрата или влияние шло сразу несколькими путями. Кроме того, изучение названных вопросов позволит пролить свет на взаимоотношения тюркских и монгольских языков.

Литература

1. Барадийн Б.Б. Бурят-монголы. Краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности. – Верхнеудинск, 1927.
2. Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – М.: Наука, 1978.
3. Кычанов Е.И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – Т.6.
4. Неделяев В.М. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
5. Окладников А.П. История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ, 1951.
6. Рассадин В.И. О тюркизмах в бурятском языке // К изучению бурятского языка. – Улан-Удэ, 1969.
7. Рассадин В.И. Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // Исследование бурятских и русских говоров. – Улан-Удэ, 1977.
8. Рассадин В.И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор, 1987.

9. Рассадин В.И. О тюркском влиянии на развитие говора нижнеудинских бурят // Проблемы монгольского языкознания. – Новосибирск: Наука, 1988.
10. Рассадин В.И. Присянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996.
11. Рассадин В.И. Становление говора нижнеудинских бурят. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999.
12. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974.

13. Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – Т. 6.
14. Токарев С.А. О происхождении бурятского народа // Советская этнография. – 1953. – № 2. – С. 37-52.
15. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ, 1972.

В.В. Денисова, О.И. Казарикина
Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Универсальность современных тенденций развития ономастического

Статья посвящена анализу основных тенденций развития ономастической лексики в XX-XXI вв. на материале ономастического монголоязычных народов: появлению новых категорий имен собственных, в частности, ников и активному развитию номенклатурных наименований.

V.V. Denisova, O.I. Kazarikina

The Universal Tendencies of the Development of the Modern Onomastic Lexica

The paper is dedicated to analyzes of some basic tendencies of the development of the Onomastic lexica in the XX-XXI centuries on the material of the Mongolian languages.

Каждый язык развивается по определенным законам, причем законы эти более-менее универсальны. Язык как системно-структурное образование неоднороден, и различные его уровни развиваются с различной скоростью. Так, известно, что лексический уровень наиболее подвержен изменениям: новые слова могут быть заимствованы из других языков, могут быть образованы на базе собственных языковых ресурсов – так возникают различные неологизмы, ряд слов с исчезновением понятий и предметов, ими обозначаемых, или утратой некоторых их характеристик переходит в разряд архаизмов. Тогда как фонетический, и особенно морфологический, синтаксический языковые ярусы значительно меньше подвержены изменениям.

Но и в самом лексическом составе есть группа слов, которая изменяется значительно быстрее других лексических единиц и категорий – это имена собственные. Имена собственные, в отличие от апеллятивов, хотя и являются, в первую очередь, единицами языка, содержат в себе намного больше экстралингвистического. Имя является не только языковым, но и социальным знаком, оно развивается по законам языка, при этом многие причины, стимулирующие развитие именных

систем, лежат во внеязыковой сфере. Лингвистические элементы в языке меньше подвержены изменениям, чем экстралингвистические, – социальные процессы протекают гораздо более бурно, чем процессы языковые, исторические события быстрее сменяют друг друга, чем процессы изменения различных уровней языка. И соответственно, имя собственное, будучи наиболее экстралингвистическим языковым элементом, больше подвержено влиянию моды, историческим и культурным изменениям в обществе, изменяется вместе с возникновением новых факторов человеческой жизни.

К концу XX – началу XXI в., когда в бурятском обществе стало модным обращение к своим истокам и возникло стремление к возрождению национального самосознания, вернулся и интерес к самобытной культуре, изменилась резко и мода на имена. Теперь молодые родители часто предпочитают давать своим детям имена монгольские или тибетского и санскритского происхождения – правда, от так называемых «худонских» имен все же отказываются – мальчика вряд ли назовут *Хоцой* или *Жабом*, а девочкам редко выбирают имена с окончанием на *-ма*: *Хандама*, *Сэндэма* и т.п. Предпочитают благо-